

Александр Светлов

АЛТАРЬ ЖИЗНЕЙ

Том 2

Александр Светлов
Алтарь жизней. Том 2
Серия «Библиотека тайных знаний»

pdf
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69011302
Алтарь жизней:
ISBN 978-5-907694-08-8

Аннотация

«Алтарь жизней» – путешествие сквозь тысячелетия, сквозь эпохи одной души, одного сознания. Второй том книги посвящен многим рождениям и жизням. Через череду воплощений, потерь и приобретённых знаний появляется понимание своего следующего шага, своего Пути. А поиск той самой единственной подходит к своему логическому завершению.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Часть 3	6
1. Уравнение	6
2. На коне	12
3. Когда тесно под звёздами	17
4. Кто они?	22
5. Бунт	27
6. Надо идти дальше	32
7. За спиной	37
8. Снова	42
9. Интересно	47
10. Неужели	52
11. Одиночество	57
12. Когда свободны только руки	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Александр Светлов

Алтарь жизней

Том 2

© Александр Светлов, 2023

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов,
поэтов и прозаиков, 2023

* * *

Библиотека Тайных знаний

*Особая благодарность
Владимиру Степанову
и Александре Пономаренко
за помощь в работе с книгой.*

*Моей любимой супруге
посвящается эта книга.*

Часть 3

Белые горы

1. Уравнение

Есть такой стереотип, будто маг никогда не станет воином. Поэтому я решил, что место, где меня меньше всего будут искать, – войско. В своё время я имел возможность общения с воинами, имел представление о них. Знал, как они мыслят, как смотрят на мир, наблюдал их взаимодействие с пространством, подмечал и прочие важные особенности.

Стать простым солдатом у меня не получилось. Есть такой закон: ты не можешь быть меньше себя, как ни старайся. Поэтому я, пройдя стремительный путь карьерного роста, стал полководцем. Не могу сказать, что я к этому стремился, просто так уж получилось. Благодаря своему развитию любая древняя сущность превосходит человека ментально по всем параметрам. Пожалуй, только в физическом плане может отставать.

В том воплощении у меня было крепкое тело. Плюс к тому я умел им управлять, потому физические боевые навыки давались мне легко. Из меня получился неплохой воин. Мог выйти против троих: благодаря осознанности удавалось кон-

тролировать движения противников, тонко предчувствуя их намерения, за счёт этого опережать в движении.

Полководец же получался из меня нетипичный. Не обладая от природы теми качествами, которые обычно ведут воина к цели, я решал те же задачи по-своему, как уравнение. Обычные для солдата жажда славы, победы и подобное тому не грели мою душу. Для меня важно было решить задачу, и решал я её привычным для себя способом.

Современное кино показывает – и часто очень искажённо – ту часть воинской жизни, которая годится для эффектного кадра. Я очень смеялся, когда видел в пустыне на марше армию, солдаты которой были при полном доспехе. Палящее солнце, жара сорок градусов – а на тебе железный панцирь. В песке можно запекать куриные яйца. Что будет с солдатами к вечеру, подскажет ваше воображение.

Когда надевать доспехи – это часть уравнения. Понятно, перед битвой. А вот когда ты идёшь через незнакомую местность? Ждать ли засады или вражеский отряд? Если нападающий отряд небольшой, то хватит и моего отряда охраны. На марше я постоянно менял в нём солдат. Охрана всегда должна быть в бодром состоянии и очень бдительной. Они должны увидеть врага на таком расстоянии, чтобы остальные воины успели его встретить уже вооружёнными и в доспехах.

Да, и я всегда рассылал несколько небольших отрядов разведки. Это, разумеется, риск. Перебить малый отряд несложно. И отряд разведчиков убивают полностью. Могут взять

в плен одного-двух, чтобы пытками выведать информацию о моём войске. А если отряд не вернётся, то и я не буду знать о том, что случилось, и враг может подойти незаметно и близко. Давал разведчикам голубей. В момент нападения они должны были выпустить птиц. Только вот гибель воинов всегда делает войско меньше.

Обучить солдата – дело долгое и трудное. Умение владеть оружием и держать строй – это только часть обучения. Намного важнее боевые навыки. Не растеряться, прикрыть, выстоять, не сломаться, а наоборот, зло и дерзко нападать, рвать и дружно идти вперёд. Сколько у вас есть знакомых мужчин, обладающих этими качествами? Таких, с которыми вы пойдёте в бой? Терять подобных бойцов всегда больно и трудно.

А ещё важно самим солдатам уметь дойти до места битвы, и моё искусство – привести армию в боевом состоянии. Что такое провести армию? Представьте себе тысячу лошадей, которые прошли по дороге. Если дорога узкая, то рядом могут идти три всадника, в таком случае войско сильно растянется. Идти полем возможно, но нужно точно знать направление. А если это пустыня или степь, куда идти? Нужен проводник. Хорошо, если он из местных. А ещё нужно уметь заставить его говорить правду, а то ведь заведёт неизвестно куда, выбирайся потом.

Тысяча лошадей в состоянии размолотить копытами любую дорогу. Разобьют так, что обоз не пройдёт. А он та ещё

головная боль. Тысячу всадников – а это голодные мужики – надо кормить. Да и тысячу лошадей тоже. Чем накормить их всех в пустыне? А напоить? В обозе много всего, в том числе и стадо. Запас мяса с собой не возьмёшь – жара. За обозом плетутся овцы. В телегах запас стрел и другого оружия. Медицименты, шатры, топливо для костров.

Ночлег. Разбить лагерь непросто – надо всё продумать. Лошади поели и идут справлять естественную нужду. Потому отводим их от лагеря на некоторое расстояние. Тысяча мужиков тоже будет справлять нужду. Где? Людей и лошадей надо поить – представьте себе, сколько нужно воды. Рядом с лагерем должен быть источник или водоём.

Такое место удаётся найти не каждый раз. Но находить надо обязательно. Жара, через пару дней натёрто на теле всё, что только возможно, – это касается и людей, и лошадей. Пот разъедает тело, повреждения на коже загнивают очень быстро. Следить за гигиеной здесь не причуда, а выживание. Поэтому надо мыться. Где это делать в пустыне?

Долгий поход сильно деморализует воинов. Солдат крепкок битвой. Смерти боятся все люди, но битва – это смысл жизни воина, потому отношение к ней особенное. Тут во главе либо честь и слава, защита родины, либо просто жажда наживы и крови. Воину нужен смысл для риска, игры с жизнью и смертью. А ещё нужна битва. Без неё солдат как рыба без воды.

Длинный марш выматывает тело и душу. Сначала раздра-

жение солдат переходит в злобу. Потом наступает опустошение. Либо возникает бунт. Всё время нужно, чтобы хоть что-нибудь происходило, иначе дисциплина развалится, а что может устроить толпа разгневанных мужиков, страшно представить. В любом случае войску конец. Оно теперь лёгкая добыча для врага. Толпу разбить легко.

Я устраивал учения. Но они через какое-то время начинают раздражать солдат. Тогда стал организовывать состязания, давал хорошие награды победителям. А знать своих самых ловких и сильных воинов нужно каждому командиру. Состязания солдаты любят. Лучший наездник, лучник, боец... Каждый хочет быть лучшим.

Вести войско для меня уравнение, задача, которую решаешь каждый день. Наш враг силен и коварен. Он умеет нападать и прятаться. Он хорошо прячет свои следы, и никогда не знаешь, когда он появится вновь. Эта пустыня ему родной дом, а для нас – чужбина. Долгие годы ему удавалось быть настолько сильным, что под угрозой вымирания была молодая цивилизация. Мы прогнали врага из наших земель, теперь добиваем на его территории. Игра в кошки-мышки.

Решаю уравнение. Нам нужно победить. Иначе враг вернётся, как только наберётся сил. Моё войско измотано. Мы уже слишком долго в походе. Жажда битвы иссякла. Наступило пустое равнодушие, самая опасная болезнь для армии. Воина с горящими глазами трудно победить, безвольного человека – просто.

Нужно что-то делать. О боги, помогите нам!

2. На коне

Сижу у своего шатра, смотрю на небо. Звёзды здесь низко и близко, иногда их хочется взять рукой... Красиво. Небо ложится прямо на песок. Иногда кажется, что Земля в самом деле плоская и где-то есть край света...

Я не вспоминаю свой путь за спиной: ни жизни в теле, ни жизнь без них. Я помню их, я помню, кто я и откуда. Нельзя вспоминать. Память – она ведь не просто несколько кластеров в головном мозге, где содержится некая информация о каком-то событии. Память – ключ к событию, в которое можно входить снова и снова. Она информационный канал, через который ты попадаешь в ту часть реальности, которая уже произошла однажды относительно текущего времени или однажды случится. Может быть и так, что ты не проживал событие, но помнишь его. Просто оно случилось в другом временном потоке.

Жизнь – сложная штука. Она существует одновременно во множестве версий. Но обычно мы можем воспринимать лишь ту её часть, которая пробегает у нас перед глазами. Многое скрыто от обычных глаз человека, и ещё больше лежит за пределами его восприятия. Только развитое сознание в состоянии воспринимать что-то большее, чем мир твёрдых предметов.

Память – информационный поток, следовательно, она со-

единяет как минимум две точки, которые можно условно назвать источником и приёмником. Само событие мы будем считать этим самым «источником», а подключившегося – «приёмником». Если я начну вспоминать, то обязательно подключусь к событию, войду в него. В момент моего воспоминания я буду в контакте с «источником». Только вот у любого события есть другие участники, и через моё «подключение» они могут обнаружить «приёмник», то есть меня. А вот этого мне совсем не хотелось.

Жизнь, где я уже не инструмент, а самостоятельная личность. Жизнь, которой распоряжаюсь я сам. Жизнь, которой хозяин я, и я сам расплачиваюсь за свои ошибки и сам получаю свои награды. Жизнь, которую я, может быть, не понимаю, но познаю. Жизнь, о которой я могу сказать: это моя жизнь.

Всё просто.

Поэтому я предпринял все возможные меры для того, чтобы меня не обнаружили. Я не вспоминаю прошлое, но я его помню. Я не заглядываю в будущее – я его познаю. Мне этого достаточно.

Не включаюсь в пространство. Это тоже может меня выдать. Не пытаюсь найти любимую. Я даже богам не молюсь, только для вида. Моя настоящая молитва всколыхнёт пространство. Так влиять на него люди не смогут. Одним словом, я не делаю ничего из того, что может меня выдать.

Хотя некоторые свои навыки я использую. Но об этом чуть

позже. В моём войске есть жрецы. В общем-то, общаться с богами – их дело. И они его знают очень хорошо. Профанов я в поход не взял бы, а коли такие объявились бы, в лучшем случае прогнал их.

Жрецы проводят ритуалы, слушают и передают волю богов. Я с интересом наблюдаю. Мне и в самом деле любопытно, как люди делают то, что алтарию сделать так же просто, как современному человеку позвонить другому по телефону. Их способы устанавливать связь одновременно удивляют и восхищают. Если вернуться к примеру с телефоном, то они нашли способ позвонить абоненту, не имея собственного телефонного аппарата. Способ мудрёный, но ведь получается!

Они, жрецы, в свою очередь удивляются мне и мною восхищаются. Но их удивление и восхищение построены на страхе, и это отличает их от меня. Их можно понять: я предводитель этого войска, я выгляжу грозным, направляю на них пронзительный и глубокий взгляд, всматриваюсь в самое нутро. Я суровый, жёсткий и – что изумляет их больше всего – очень беспечно отношусь к божьей помощи. Я вообще не почтителен к высшим силам, как, по идее, должен бы. Но боги благоволят мне, и жрецы никак не могут этого понять.

Они не знают, что я знаю законы пространства и потому всё делаю правильно. Получалось так, что подсказок свыше мне и не требовалось. Если посадить взрослого человека за парту первоклассника, то эффект будет похожим. Зачем ему

учитель?

Иногда я тихонько сканировал пространство в поисках нужного решения. Задачи были разными. Это мог быть и поиск направления или водопоя, стоянки, и, что самое важное, врага. Мне удавалось сделать это так, чтобы оставаться необнаруженным. Я исследовал только физический уровень, который обусловлен планетарным временем.

Было забавно озвучивать решение, принятое на основе моих изысканий и в точности совпадавшее с мнением жрецов, которые после ритуалов сложили его согласно воле богов.

Жрецы боялись меня. Как следствие, боялись и воины. Мне приписывали всякие несуществующие качества: люди любили домыслы во все времена. Мой авторитет был очень высок, приказы исполнялись беспрекословно, дисциплина была на высоте. Ох, как это важно для войска!

Я сидел у своего шатра и смотрел на небо. Я был очень доволен тем, как складывалась моя жизнь. У меня всё получалось, как я хотел, – впервые за всю мою историю. И пусть ситуация была сложной, но я с ней справлялся. Я не полководец по натуре, но умею решать уравнения. Мы побеждаем всякий раз, когда встречаем врага, и мы находим его, где бы он ни прятался.

Сейчас мы в глубине его земель. Зашли слишком далеко. Идти по вражеской земле... Это очень опасный враг. Но сила его только в подлости и коварстве, у нас – в необходимости

выжить. За нами правда и потому – будущее.

Ко мне тихонько подходит жрец, которому я особенно благоволю. Он астролог. Я ничего не понимаю в звёздах. Жрец стоит рядом, ждёт, пока я обращаю на него внимание. Я жестом приглашаю сесть рядом.

Мы смотрим на звёзды. Он рассказывает мне о них. Хороший вечер. Так можно сидеть вечно. Но, как всегда, утром нас ждут дела. Надо идти – такова жизнь.

3. Когда тесно под звёздами

Воины нашего врага в бою не страшны. Мой солдат одолеет как минимум троих. Они не умеют ходить в атаку строем, держать ряд. У них нет конницы, нет копий, они просто разбегаются от одного вида всадника. У них нет луков, нет щитов, мечи есть не у каждого, и владеют они ими плохо. Да и короткие эти мечи, плохой закалки, часто ломаются в битве. Одним словом, в прямом бою им не выстоять против нас.

Потому враг наш бежит от прямого боя. Он использует своё преимущество умело и со знанием дела. Они не боятся жажды. Они долго живут без пищи, им не нужен ночлег и обоз. Они полуящеры или полулюди – трудно сказать, чего в них больше. Толком никто не знает, откуда они появились, но точно ясно, чего они хотят: нашу землю и чтобы на ней не было нас.

Некоторое время им это удавалось – теснить людей. Два столетия назад никто толком не знал, кто они такие и как с ними воевать. Кожа у них грубая, ножом не проткнёшь, только кинжалом или мечом. И тут нужен прямой удар, колющий. Рубящий удар редко эффективен: меч может просто соскользнуть и пройти вдоль тела. А тут полуящер уже кинется на тебя – и держись тогда: их когти и зубы сами по себе неплохое оружие. Рвут они человеческое тело на куски с противным причмокиванием и издают мерзкий треск после

гибели жертвы.

Потом научились им противостоять. Копья, стрелы, дротики, любое оружие, не позволяющее подойти близко и наброситься. Сделали длинные мечи для наших воинов и стали сражаться группами, чтобы никогда не оставлять открытой спину. Полуящеры очень быстры: пока сражаешься с одним, второй уже перекусит сзади шею.

Их тактика понятна: сражаются кучками, стремятся окружить и наброситься скопом. Но противостоять организованному войску они не могут. Строй воинов, закрытых щитами и выдвинутыми копьями, для них верная гибель. Именно так их и победили сотню лет назад. Только вот не истребили: полуящеры размножились, тихо, тайно и в таком количестве, что представить себе было невозможно. Потому их нашествие оказалось полной неожиданностью и принесло им успех. Но он был недолгим.

Их основные силы мы разбили силами трёх армий. Одна из них – моя. Одна армия делала вид, что проигрывает битвы одну за другой, заманивая врага глубоко на нашу территорию, две другие зажимали их в клещи. Подготовились и нанесли сокрушительный удар, окружив врага и не давая уйти ни одному полуящеру. Это была славная битва!

Теперь вот вошли глубоко на их территорию, дабы истребить целиком. Никто не хочет повторять ошибок, мы не можем снова допустить их размножения и нового вторжения. Мы ищем их повсюду. Полуящеры сменили тактику. Они на-

падают только из засады и на маленькие отряды. Они могут тихо лежать, прижавшись к камням, сутками: неподвижно, практически сливаясь с поверхностью. Заметить их и предупредить нападение очень сложно. И они умело пользуются этим преимуществом.

Мы нашли несколько их отрядов и поселений. Это очень мало. Их должно быть намного больше. На совете со жрецами мы решили, что надо искать в горах. Скорее всего, они прячутся и размножаются в пещерах. Жрецы гадали, говорили с богами, смотрели на звёзды. По всему выходило, что путь наш лежит к гряде, которую мы тогда называли Ит-Хум.

Биться в горах – вот чего хочется меньше всего. Конница становится бессмысленной, войска толком не построишь, из любой расщелины, с любого камня могут неожиданно наброситься полуящеры. Как бы не оставить там всю армию гнить под жарким солнцем. Или оставить на пищу врагу: говорят, полуящеры едят людей. Не видел, не знаю, некогда было за ними наблюдать, мы их сразу убиваем.

Перед грядой Ит-Хум лежит степь. В те времена здесь ещё были степи. Тогда эти земли никто не называл Месопотамией, здесь не было Вавилона, шумеров или ассирийцев. Были мы, иштары, дети великой богини. От нас пойдут народы, о которых пишут в учебниках. Нам надо было выжить, и мы воевали: кто мстил за погибшую родню, кто сражался за своих детей, кто – за славу и честь или просто за родину.

Мы были сильно измотаны. Каменистая пустыня изматывает

кого угодно. Солнце сожжёт разум и высушит тело. Добратся бы до врага, даже в таком состоянии мы будем биться и победим. Я это точно знаю.

А сейчас сидим и смотрим на звёзды, я и жрец.

– Ты ведь тоже бог? – неожиданно спрашивает он.

– Нет, – коротко отвечаю я.

– Ты не хочешь, чтобы об этом кто-то знал?

– Я не бог, – повысил немного интонацию и сделал голос жёстче.

– Я сделал рисунок звёзд на твоё рождение. Ты бог. Так говорят звёзды.

В ответ достаю меч.

– А вот если этим по голове, то что скажут звёзды?

Он смеётся, чем меня подкупает окончательно. Все, кого я знал, от страха валялись бы у меня в ногах, а этот смеётся. Похоже, мне повезло: хоть один нормальный человек рядом. Я устал от одиночества.

Отсмеявшись, жрец сказал мне:

– Твоё имя окутано тайной, и ты тайно пришёл сюда. Я сначала думал, что ты пришёл как посланник богов, чтобы спасти нас. Звёзды сказали, что ты пришёл к нам, чтобы спасти себя. Это правда?

– Да. Но теперь я здесь, чтобы спасти вас. Только я не бог. И никогда им не был. И не хочу.

– А что ты хочешь?

– Жизнь. – Я пожал плечами. – Только люди не понимают,

зачем она нужна. Жизнь – только она даёт тебе свободу и путь, который ты выбираешь.

– Разве не боги дают нам это?

– Боги дают тебе то, что они хотят от тебя. А путь тебе даёт то, что ты хочешь от жизни.

Он смотрит на меня изумлённо, пытаясь понять сказанное. Я поднимаюсь и говорю:

– Ты только тогда свободен, когда выбираешь сам. И сам прокладываешь путь к невнятной мечте, которую не в силах понять даже твоё сердце.

Жрец смотрит на меня. Ещё немного, и у него будет обморок. Чтобы он пришёл в чувство, я отвечаю ему оплеуху и молча иду в свой шатёр.

4. Кто они?

Нередко я задумывался о том, кто такие эти полу-ящеры и откуда они взялись. Они не разговаривали друг с другом, как люди, общались между собой при помощи звуков, которые трудно объяснить, но ещё труднее забыть. Звуки мерзкие: вроде тихие, но отлично проникают сквозь пространство и потому слышны на далёком расстоянии. Шипящий свист – как-то так можно сказать об их звуках. Иногда это клёкот или треск, похожий на тот, что издаёт гремущая змея.

Спрашивал у жрецов, откуда появились эти твари. Услышал много, но всё больше о том, как их впервые увидели, как с ними боролись. Это я и без них хорошо знал. Полуящеры появились на несколько сотен лет раньше, чем я. Поначалу они вели себя прилично и хлопот не доставляли. Видимо, изучали людей, думая о захвате их земель. А вот потом начали.

Как только я настойчиво припирал жрецов вопросом о происхождении полуящеров, те тушевались, начинали говорить нечто несвязное и, как обычно бывает в таких случаях, обильно приправленное высокопарной чушью. Из их уст я выделил три основные легенды. Одна – об инопланетном происхождении этих тварей: мол, их планета погибла, и они в малом числе – те, кому удалось спастись, – прибыли сюда. Вторая версия говорила о том, что у богов что-то не получи-

лось и итогом неудачного эксперимента стали полуящеры. И третья версия – что у богов всё получилось: создали новую расу, но люди грешили, и в наказание их превратили в этих уродцев.

Мне не хотелось верить в эти версии, даже не рассуждая об их правдоподобности. Просто жрецы говорили настолько неуверенно, что можно было сделать простой вывод: в их словах больше домыслов, чем правды. И этот вывод подтверждало само наличие версий тех событий. Оставалось одно – думать самому.

Моя же версия была не более и не менее правдоподобной. Когда боги воевали, они использовали очень сильное и страшное оружие. В пучок собирался высокочастотный разряд колоссальной силы, он выжигал всё живое в радиусе поражения. Высыхала земля, плавился камень. Так появились пустыни – земля, где умерла жизнь. Высокочастотные разряды способны вызывать генную мутацию. И полуящеры вполне могли быть «результатом» таких мутаций.

Впрочем, я сам же опровергал свою версию, поскольку мутация вряд ли возможна на уровне народа. Отдельные случаи – да, конечно. Но чтобы сформировался новый вид... Не знаю. Слабая версия. А этот вид оказался весьма жизнеспособным для существующих условий. И выживали полуящеры только благодаря этой приспособленности. Они ведь и в воде чувствовали себя прекрасно. Так погиб один мой отряд разведчиков. Они обнаружили оазис, спустились к воде,

возбуждённые и радостные, и потеряли осторожность. Как только воины вошли обнажёнными в воды небольшого озера, полуящеры начали атаку. Твари лежали на дне, они хватали и рвали беззащитных воинов прямо в воде, и она не мешала им двигаться так же стремительно и ловко, как они это делали на суше.

Ещё одна странность в происходящем смущала меня. Почему в это дело не вмешиваются боги? Почему оставили людей самостоятельно разбираться с этими тварями? Богам ведь гораздо проще изжить полуящеров.

Зачем им это надо? Научить людей выживать? Создать внешнего врага, чтобы не воевали друг с другом? Двинуть развитие цивилизации вперёд? Непонятно. Цена высока, и угроза велика. В какой-то момент цивилизация людей была на грани уничтожения. Вымерли целые города, трудно сосчитать, сколько погибло людей и сколько ещё расстанется с жизнью. Война с полуящерами сильно тормозила развитие цивилизации. Всё, чем были заняты люди, – выживание. А воевать друг с другом, даже в самых безысходных ситуациях, люди будут всегда.

Я старался отгонять от себя все эти вопросы, поскольку ответы на них никогда не будут даны. Потому бессмысленно терзаться ими. Но они мучили меня снова и снова.

Вечер. Есть возможность отдохнуть от жары и спокойно посидеть под небом, которое скоро вновь будет усыпано звёздами. Видимо, на этот раз мне не суждено было побыть в

покое. Сначала астролог пришёл с докладом о положении звёзд.

– Что говорят звёзды? – спросил я коротко и жёстко.

В ответ он начинает рассказывать о том, что такая-то звезда стала красной – это предвестник большой крови. Будет битва. Другая звезда говорит, что победу унесёт мудрый, скрытный и тихий. После доклада стоит смущённый. Видимо, он не понял совета звёзд и боится моих вопросов. Я не стал задавать их. Его смущение понятно: тихими и скрытными наших воинов не назовёшь, мы идём заметно и шумно. Но полуящеров нельзя назвать мудрыми. Такая дилемма смутит кого угодно.

Астролог ведь не знал, что тихий и скрытный сидит прямо перед ним. Правда, я не стал бы относить себя к мудрым, но по-другому о моих способностях сказать трудно. Отпустил астролога, не стал говорить с ним сегодня.

В лагере бунт, слышу его. Я давно чувствовал нарастающее недовольство. Просто все на грани. Усталость и напряжение растут, а исхода для накопившихся чувств нет. Впереди только неясность и тревога. Понять воинов можно. Все хотят жить и ещё больше хотят домой. Дать выход чувствам может только битва. Но где её взять, когда нет врага? Значит, враг будет искусственным, его создаст воспалённое гневом воображение.

Понятно, что врагом сделают меня. Так было во все времена: виноват тот, кто принимает решения. Тот, кому дове-

рены жизни. Тот, кто самый главный.

Сейчас важно понять, сколько людей участвует в заговоре. Ясно, что есть один главный подстрекатель и группа его ярых сторонников. Будет группа сочувствующих и ещё одна – сомневающих. Будут преданные мне люди и ещё те, которым всё равно, – они примкнут к победителю заварушки.

Я настраиваюсь на пространство лагеря и сканирую поле. Заглядываю в каждый шатёр, палатку, под навес. Слушаю. Успокаиваюсь: всё не так уж плохо. Недовольство дало ростки, но не плоды. Ситуацией можно управлять. Жаль, что гибели части моих воинов избежать не удастся. Я скрипнул зубами, плюнул под ноги, пнул песок и пошёл спать.

5. Бунт

Плоду нужно дать созреть. Кто знает, каким будет плод, когда дерево в цвету? Подождал, пока ситуация из брожения умов, смутного недовольства станет проявленной и созреет до яркого действия. И начал собирать урожай.

Мне с самого начала было ясно, кто именно подстрекатель бунта и кто будет лидером. Обычно тот, кто раздувает ситуацию, уходит в сторону, когда пламя разгорится. Такие люди любят быть подле вожака, как шакал рядом со львом. От них много шума, но нет дел. Зато поднятый ими шум нередко перерастает во что-то более серьёзное. Вот тогда и появляется лидер.

Лидер в таких случаях всегда предстаёт благородным спасителем униженных и оскорблённых. Он несёт благо, борется со злом и несправедливостью. Он укажет путь в светлое будущее и дорогу к счастью. И эта дорога обязательно должна быть омыта кровью врагов. Лидер пообещает покарать каждого плохого и отомстить за павших в борьбе товарищей.

Я видел много бунтов разного масштаба, они все очень похожи. Самое дурное в них, что погибнет много людей, но в сути ничего не изменится. Даже если победит лидер униженных и оскорблённых. Пройдёт время, и всё вернётся на круги своя. Вчерашние угнетатели станут угнетёнными, оскорблявшие – униженными.

Поднявший бунт может только бунтовать. На другое он не способен. Каждый делает только то, что умеет. Бунтарь не умеет вести армию, воевать и побеждать. Он не умеет строить и управлять. Всё, что он может, – это вести толпу разгневанных товарищей. А это просто – правда, только до того момента, пока не кончится гнев. Что потом?

У меня сложная задача. Лидер бунтовщиков – герой, а мне надо спасти армию от бунта. За героем пойдут не все, часть армии останется со мной. Беда в том, что в случае раскола обе части встанут одна против другой. Нет лучшего способа порадовать наших врагов – перерезать друг друга. И тут уже не важно, кто победит. Выжившие в битве погибнут от рук врага или от жары.

Я не могу убить лидера бунтовщиков: так я сделаю его ещё большим героем и сам распалю бунт до крови. Что делать? Доказывать воинам свою правоту? Нет: гнев силён, никто не станет меня слушать. Вступить в полемику с лидером означает уравнивать его с собой. Я не просто потеряю лицо, я развею остатки уважения к себе даже у преданных бойцов.

Жрецы собрались у меня в шатре, совещаются. Слушаю. Идеи одна хуже другой. Спрашиваю:

– Боги говорили вам о бунте?

Смутились, молчат в ответ.

– Тогда не спрашивайте у них совета. Думать надо своей головой.

Стоят растерянные, молчат. У меня возникает такое чув-

ство, что ещё немного – и они сами присоединятся к бунту.

– Потерпите до завтра, – говорю им. – А теперь ступайте.

Утром приказываю всеобщее построение в пешем порядке. Для воинов это настолько неожиданно, что чувствую исходящие от них неуверенность, напряжение, страх. Нехотя, но построились. Я же собрал всех командиров, садимся на коней. Подъезжаем на конях, спускаемся с холма. Командиры останавливаются группой перед центром построения. Я молча, один, еду вдоль строя. Еду медленно, ни на кого не смотрю. На мне боевые парадные доспехи.

Волны страха и неуверенности прокатываются по рядам воинов. Они не знают, чего от меня ждать. Зато хорошо знают мой крутой нрав. Всем ясно, что сейчас что-то произойдёт, но никто не может угадать, что именно. Я рассчитывал этот ход.

Заговорщики, разумеется, планировали какие-то действия. Я точно знаю, что они собирались начать сегодня вечером. Они просчитывали мои ходы и готовы дать отпор любым моим прямым военным действиям. Они готовы поднять на бунт много воинов. Только вот мои действия очень трудно предугадать.

Молча останавливаюсь посередине. Сажусь на коне. Молчу. Жду, пока по рядам пробежит ропот. Дождлся.

– Кто-то из вас решил, что он хороший командир и знает лучше меня, как надо воевать, – начал я свою короткую речь. Говорю коротко, сухо и резко. – У этого человека хва-

тит храбрости выйти из строя и встать передо мной?

Волна тихих голосов проносится по строю. Неформальный лидер силён в окружении толпы: тогда он под защитой всеобщего гнева. Он силён противостоянием. А когда он один, то становится жалок и бессилен. Ему придётся выйти, хотя я точно знаю, что он дрожит от страха. Он выйдет, чтобы не потерять лицо перед своими товарищами. Он должен им показать и доказать свою крутость.

Вышел. Подошёл ко мне. Старается держаться мужественно и дерзко, даже посмотрел мне в лицо, но взгляда моего не выдержал, опустил глаза. Я знаю, что он думает, знаю, чего ждёт. Я уверен, что и все подумали так же. Его рука проверила меч. Он думает, что я вызвал его на поединок. Но я не буду с ним драться. Поединок будет означать, что мы с ним равны. Он для меня никто, и я хочу, чтобы все тоже знали: он никто. И на этом поле только один хозяин – я. И своё звание командира я не буду ни с кем оспаривать и делить. Он не ровня мне.

– Перед вами воин, который поставил себя выше меня, жрецов, а значит, и богов. Вести вас меня назначили боги, их волю вам передают жрецы. Если этот человек выше воли жрецов и богов, значит, он и в самом деле достоин вести вас на смерть во имя жизни. Он знает, как воевать и побеждать. Идите за ним и побеждайте.

Я отъезжаю в сторону и оставляю его один на один с войском. И снова говорю:

– Я привёл вас к победам. Вы не знаете ни одного поражения. Ваши имена окутаны славой. Про вас сложат песни. Вас ждут дома семьи. Вас ждут с победой. Теперь к этой победе поведёт он. – Я указываю на уже ставшего жалким лидера бунтовщиков. – Он знает, как надо воевать. Он выше богов и жрецов. Идите за ним!

Ряды воинов стоят без движения. Я замолчал. Молчит и лидер. Напряжение нарастает. Чутко слушаю его пульс. Вот-вот – и рванёт. Воины переминаются с ноги на ногу. Что будет тогда, страшно представить. Но я не собираюсь пускать эту силу на самотёк и не дам тому, кто разжёт пожар, направлять её. Это моя армия, и мне решать её судьбу.

– Воины, – снова говорю я, – кто верит богам и предан своему слову, встаньте за моей спиной. Остальные останьтесь на том месте, где стоите. Вот ваш бог и ваша правда. Он властелин ваших жизней, он теперь творец вашей судьбы. Он поведёт вас побеждать.

Я вижу, как волна голосов бежит по рядам. Настал час истины. Чувствую, как взмокла моя спина. Во рту сухо. Но держусь на высоте. Перед лицом судьбы так не хочется быть дураком. Час истины. Сейчас решится всё.

6. Надо идти дальше

Между полководцем и войском есть связь. Она незримая, но очень чёткая и сильная. Стоит полководцу дать слабину или уйти в сомнения, потерять веру в победу, или ещё что-нибудь в этом роде, войско тут же это чувствует. Дисциплина в таком случае разваливается на глазах. Нет вожака – нет стаи. Потому полководец должен быть всегда уверен в себе, чётко, собран, суров, готов к действиям, немного жесток, но справедлив. Только тогда он будет хорошим вожаком, и за ним пойдут. И пойдут не умирать, но побеждать.

У стаи не может быть двух вожаков. Я не дерусь за право быть полководцем. Это моё войско. Я здесь хозяин. Это видит и читает во мне каждый воин. Выбирая из двоих, они не пойдут за слабым, я это знаю. Они сделают выбор, и я знаю какой.

Один за другим воины переходят на мою сторону, становятся у меня за спиной. Проходит немного времени – и практически всё войско стоит напротив небольшой кучки бунтовщиков. Их главарь остался бы вообще один, только вот его ближайшие соратники теперь просто не могут его бросить. Те, кто громче всех кричал, тоже не могут уйти: они трусы, с удовольствием сбежали бы под более сильную руку, но их не примут мои воины. Они чужие в моём войске.

Перестроение закончилось. Я проезжаю перед рядами во-

инов. Они приветствуют меня, я отвечаю им поднятым мечом. Подъезжаю к горстке бунтовщиков. Говорю так, чтобы слышали все.

– Возьмите всё, что вам нужно, и принесите нам победу. Мы будем ждать вас три дня. Когда победишь, – это я говорю уже главарю, – вот этим мечом отрубишь мне руку. – Показываю ему свой меч. – После я отдам тебе своего коня.

Я разворачиваю строй и веду воинов в лагерь. Ухожу в свой шатёр. Там сижу долго, слушаю шум в лагере. Он гудит, возбуждён. Заходит астролог, ему разрешено заходить без предупреждения. Стоит у порога, приглашаю за стол. Он вопросительно смотрит на меня, что-то хочет спросить. Киваю: мол, давай говори.

– Что будет дальше? Ты ведь точно знаешь, что делаешь.

– Они уйдут, если ты о бунтовщиках.

– Да, о них. Что с ними будет?

– Погибнут.

– Мне жаль их. Они, – астролог подбирает слова, – могли бы остаться в живых. Тяжело видеть обречённых людей, они ведь наши товарищи.

– Мне жаль каждого воина. Но они погубили бы всю армию, меня и тебя. Моя задача – победить и, да, сохранить армию. Они выбрали путь. Только нельзя играть выбором других людей. Увлечь страстями легко, отвечать за это трудно. Отвечать за жизни других людей. Ты понимаешь, о чём я? Единицы могут взять на себя такой груз. Власть не все-

дозволенность, не слава, чужие жизни не собственность властителя, но его ответственность. Здесь никто, кроме меня, не сможет нести этот груз.

Астролог слушает внимательно. Потом серьёзно так кивает и говорит:

– Да, именно это я и хотел услышать. Ты единственный такой человек здесь. Таких, как ты... Я иногда так думаю – наверное, это грех, – но не боги вас создают, а сама судьба. Мне кажется, что правда выше богов и они сами служат ей. Просто они понимают правду, а мы нет, или понимаем, но гораздо хуже богов. Тебя судьба послала. Я верю в это.

Бунтовщики ушли вечером. Им выдали всё необходимое: провизию, воду, оружие, коней, палатки. Их никто не вышел провожать. Хотя переживал их уход каждый воин. Я стоял у шатра, смотрел, как лента воинов исчезает за холмом. Я их вижу в последний раз. Боги, простите меня и их! И если можно, сохраните им жизнь.

Да, они погибли, но не зря. Нет, бунтовщики не обнаружили врага, это он напал на них и тем самым выдал нам своё расположение. Жрецы внимательно следили за передвижением отряда бунтовщиков. Я наблюдал, слушая пространство. Полуящеры действительно прятались в горах.

На совещании жрецы показали мне только что нарисованную ими карту. Я очень доверял таким картам. В медитации они просматривали местность и переносили её на ткань. Я не раз сталкивался с подобными изображениями, их совпа-

дение с реальностью просто поражало.

На карте были показаны все входы и выходы пещер, в которых жили полуящеры. Несколько карт отображали окружающую местность. Жрецы знали своё дело и подготовили исчерпывающую информацию для боевых действий. Оставалось разработать план и действовать.

Ещё жрецы доложили о том, как боги советуют нам поступить. А вот это я слушал вполуха. Они знали, что я пренебрегаю советами богов, потому несильно старались донести до меня их волю. Сам не понимая почему, я не доверял богам, старался поступать по-своему, и, как показывала практика, получалось это у меня хорошо. Я не ставил себя выше богов, просто испытывал какое-то предубеждение, которое я не старался объяснить себе и понять.

Внимательно слушал только астролога. Он уже не пытался мне объяснить, какая звезда и как влияет на определённое событие. Я либо засыпал от его монотонной речи, либо перебивал, задавая нарочито дурацкие вопросы. Он докладывал только по сути, делая расклад на конкретное событие, вычисляя благоприятные и неблагоприятные моменты. Исходя из такого расклада, мы выбирали время и день, когда начинать битву, когда выступать.

Сняли лагерь через два дня. Выступили чёткими рядами, при полном вооружении, оставив обоз. Он должен был уйти вслед за нами на день позже. Перед походом проверили оружие, подготовили доспехи. Я произнёс вдохновенную речь,

и пошли.

Что ждёт нас? Нельзя позволять неизвестности навалиться на тебя. Она сожрёт страхом, сгрызёт сомнениями, лишит сил. Верить и побеждать – только так. Только сила жизни, жажда её сильнее страха. Это и вело нас вперёд.

7. За спиной

Эту битву я помню плохо. Да, мы победили, но это было не так важно тогда, впрочем, и сейчас тоже. Зато хорошо помню то чувство, оно в первый раз так сильно и отчётливо посетило меня. Оно пришло в то самое «затишье перед бурей» – действительно, перед боем есть удивительная пауза, в которой... Каждый переживает её по-своему.

Эта пауза – страшная штука. Она может сломать слабых духом. Страх делает руку слабой и неверной. Войско – единый организм. Пробежит волна страха по рядам, и войско станет стадом робких баранов. Таких в бой не поведёшь. Самые мужественные воины, смелые, дерзкие, сильные, могут раствориться в этой волне. Они капля в море страха.

Меня не мучил страх. Я почувствовал смерть. Это очень трудно описать. Я не боюсь смерти: будет новое тело и новая жизнь. Сознание вечно, как и дух, возносящийся вслед за ним.

Я не испугался, я просто очень отчётливо почувствовал смерть. Она, холодная, неизвестная, тёмная и всеобъемлющая, заняла собою всё пространство. Словно зев диковинного зверя, разинула пасть, а там бездна мрака и тоски. Беспредельной, тягучей, тяжёлой тоски, перед которой ты жалок и ничтожен и вся суeta твоей жизни – ничто. Твоя жизнь ничего не значит, нет тебе наград, оправданий и ценности все-

го, что делал, чего достиг или потерял. Ты стоишь перед пустотой, которая алчет твою жизнь, и нет ей разницы до всего того, что было в ней.

Смерть. Она так рядом, так близко. Хрупкая и ненадёжная жажда жизни заставляет стоять на ногах, упереться и не дать этой пасти поглотить тебя целиком. Только чувствуешь, как тихий пронизывающий холод проникает в твоё тело, замораживает в нём жизнь. Тело дрожит, замирает, тягучая слабость поглощает мышцы – ещё немного, и невозможно будет сделать даже малейшее движение. Смерть – она смотрит в душу каждого и ждёт. Она знает, что сегодня ей будет чем поживиться.

Я встрепелся. У меня за спиной армия, я командир, и я в ответе за каждого из моих воинов. Они доверили мне свои жизни и победу, ради которой они будут умирать. Собрав усилия, отгоняю мрак смерти от себя. Усмехаюсь: быть вечным существом и бояться потерять тело, мешок из мышц и костей! А вот воины не ведают своей вечности, их жизнь – вот она, здесь, пока дышит тело. Их страх оправдан: они теряют всё.

В эти минуты можно проиграть битву или выиграть её. Всё зависит от полководца. Именно в эти минуты он должен поднять дух войска, примером или словом повести за собой. Своей силой, верой, мужеством увлечь бойцов в бой. Именно в эти минуты говорят те великие слова, которые будут повторять потомки.

Нужно сказать что-то такое, за что они будут сражаться. От чего загорятся сердца и нальются силой мышцы. Нужно сказать так, чтобы рёв разнёсся над войском. Рёв силы, гнева и беспощадности, безудержной отваги и мужества. И нужно им передать силу и веру побеждать. Только так отступит смерть, и придёт слава на крыльях победы.

Я им говорю, коротко, чётко, внятно. Я повышаю силу слов, интонаций, довожу речь до кульминации. Войско в едином порыве идёт в бой. Им надо, они идут ради жизни. Они победят, чтобы выжить. У них семьи, народ, родина. Честь и слава, награды, песни, легенды ждут их. Им нужна победа.

За что сражаюсь я? Слава – штука приятная, только вот зачем она мне? Победа нужна: полуящеры совсем не те существа, которых хочется видеть на этой земле. Не знаю, кто и зачем создал их. Знаю, что мы не сможем истребить их полностью. Они хитры, выживут малым числом, и ещё не раз люди вступят с ними в битву за выживание. И память о них долго будет жить среди людей.

Только за что сражаюсь я? Семьи нет. Этот народ... Сколько их было и будет. Эта страна – не чувствую я её родиной, которую всем сердцем хочешь защищать. Друзей у меня нет, только подчинённые и враги.

Обычно сражаются за будущее. Люди как-то знают, понимают и видят свою жизнь, а я – нет. Их жизнь строится на ценностях, страхе, любви и ненависти. Страх у меня только телесный, любовь невозможна, а чувство ненависти мне во-

обще неведомо.

Они придут домой, эти воины, которые победили и выжили. Их там ждут, по ним плачут, в них верят, их любят, потому встретят и будут праздновать их возвращение. Куда вернусь я?

Мои войска пошли вперёд. Местность оказалась очень схожей с той, что рисовали жрецы. Мы перекрыли все входы в пещеры. Мы не полезем в эти бесконечные подземные лабиринты. Это самоубийство. Махать мечом там, где и в полный рост не вытянуться... Я видел подобные пещеры. Полуящеры там имеют все преимущества, сунуться туда – погубить армию.

Мы заранее всё продумали. Жрецы набрали каких-то трав, сказали, что полуящеры не выносят их запах. Достаточно поджечь такую траву, как те, задыхаясь, выбегут из своих пещер, вот тогда мы с ними и сразимся.

Так и вышло. Воины набрали этой травы в таком количестве, что можно лошадь зиму кормить. Разложили перед входами, подожгли. Жрецы что-то поколдовали, и дым от костров потянулся в пещеры. Через некоторое время полуящеры начали выскакивать.

Остальное я не помню. И это не важно. Победили.

Хоронили товарищей. Праздновали. Собирались домой. Я сделал своё дело. Смотрю на радостных воинов, счастлив. Хоть что-то полезное сделал. Только вот какая-то горькая эта победа. За ней пустота. Пока был враг, был смысл – а те-

перь что? Что за этим нечеловеческим напряжением, тревогой, сомнениями? Что за триумфом и славой?

Бессмыслица. Не люблю битвы, хотя будет их в моей судьбе ещё много. Но ни одна из них никогда не наполнит меня, не заклеит пустоты в сердце, только на время заглушит старую саднящую рану не нашедшей себе места души.

8. Снова

Я люблю Восток. Здесь всегда бурлит жизнь. Здесь каждый знает себе цену и своё место. Здесь мужчина – это мужчина, а женщина – женщина. Нищий не будет прикидываться богачом, последний же покажет свой достаток всем – и покажет так, что глаза смотрящих долго будет слепить роскошью и величием. Здесь слабый всегда внизу, а сильный непременно заберётся на вершину. На Востоке каждый на своём месте. Во все времена это было так, и даже современный мир не сильно испортил дух Востока. Европа искалечила многие народы, досталось и Востоку, но мощь его не угасла: люди там по-прежнему сильны, и дух древности питает их. Это великий дух, чьё могущество неисчерпаемо.

Европа внушает всему миру – и мы ведь верим! – что все науки пришли из неё. Геометрия, алгебра, логика и прочие. Европа делает вид, что до неё не было ничего подобного, что только европейцы способны думать и изобретать. Только это совсем не так.

Задолго до Эвклида были построены совершенные по архитектуре храмы и дворцы. Я могу допустить, что избушку из брёвен можно сложить и без знания геометрии, можно обойтись даже без линейки. Но не храм. Нельзя построить пирамиды, висячие сады и обсерватории. В Древней Греции подобные по сложности строения появились тысячеце-

тия спустя. Собственно, для древних греков египетские пирамиды тоже были древностью, как и для нас.

Но я не о Египте, а о землях, которые после назовут Месопотамией. Это один из самых первых центров цивилизации. Здесь наука, знание, магия. Только магия не в современном массовом представлении, а настоящая магия, без голливудских спецэффектов и книжных фантазий. Магия как знание, которое могут освоить лишь те, чьё восприятие выше телесного. Те, чей дух отделён от физической формы, свободен и способен видеть, понимать и осваивать нематериальные формы.

Иштар – так её имя. Великая богиня, которой здесь не просто поклоняются, она как мать каждому. Из её рук получают знания, от её сердца питают дух. Науки идут от неё и посвящены ей. Первая и самая яркая звезда носит её имя, как и наука о звёздах – астрология.

Иштар учит миропорядку, движениям сил, периодам, паузам, накоплению и рассеиванию, движению и покою. Даёт знания о том, что нужно знать тем, кто хочет понять себя и мир или себя в этом мире. Иштар указывает путь душе, даёт помощь и силы в самом сложном для человека деле – духовном совершенствовании.

Я опять пришёл на эти земли. Мне очень понравилась работа жрецов в моём войске. Их действия были мне непонятны. Было очень интересно, как они работают. Как получается, что, не имея ни силы, ни соответствующего сознания, они

выходят на связь с богами. Умудряются проникать сквозь пространство, видеть то, что сокрыто от обычного физического зрения.

Я был очень удивлён их способностям. Их работа перевернула моё восприятие человека и его возможностей. Мы, древние души, относились к людям с вполне понятным снисхождением. Примерно как взрослый человек относится к ребёнку или профессор – к студенту-первокурснику. Оказалось, что потенциал у людей очень велик. То, что продемонстрировали жрецы, было просто выше всего того, что я мог себе представить.

Они делали вещи, которые превосходили их осознание процесса. Это особенно меня заинтересовало. В Алатарии каждый делал то, что соответствует его возможностям. И было очевидно и понятно, глядя на сущность любого алатария, что и как он может. Люди же были загадкой. Ничем не выдающийся для меня человек вдруг, в определённом состоянии, проникает сквозь пространство и способен в рисунке изобразить то, что увидел. Они составляли карты местности, рисуя увиденное на тонких планах по возвращении из медитации, при этом весьма достоверно. Они могли и со звёздным небом проделывать нечто подобное.

Я был взбудоражен. Люди мне нравились. И очень нравилась бурлящая, перетекающая в них жизнь. Я пришёл к ним жить. Учиться жить. Понять жизнь, пропитаться ею и наполниться, испытать до дна.

А ещё я пришёл учиться их знаниям. Это ведь очень интересно – увидеть мир с другой стороны, от земли, глядя на небо, а не наоборот. Я достаточно видел его со стороны богов. Глядя на людей, я ещё понял, что у них есть свой, непонятный мне, путь. И есть великолепное качество, которое является смыслом и сутью человека – выбор. Они могут выбирать. Боги не могут, и служители богов тоже, будь то полубоги или жрецы высокого посвящения. Они сложившаяся структура, они как единый организм, как клетки одного тела. Их путь, их движение невозможны друг без друга, и в вечности они будут развиваться именно так.

У людей всё иначе. Они свежи и юны, их путь ещё не начертан и не предопределён. Им ещё предстоит быть чем-то таким, что пока никто не может себе представить. Это вдохновляет.

Я увидел их могущество. Если они даже в подобном неразвитом состоянии способны проделывать удивительнейшие вещи, невозможные для алатария, будь он на аналогичном этапе развития – что же они смогут, если их сознание достигнет высот, близких к божественным?

Я пошёл к ним учиться. Они уже сами стали развивать науки. Они сами познавали мир и делали это иначе, чем их создатели. Они проложили другие пути и дороги. И я хочу знать, как они это делают. Возможно, эти знания помогут мне обрести свой путь, найти своё место в этом мире.

Снова я начинаю историю поиска. Ещё одна попытка и

ещё одна надежда. Я не буду показывать и использовать весь тот багаж, который тяжкой ношей висит у меня за плечами. Я буду чист и пуст, чтобы наполниться. Только так можно учиться новому.

И есть ещё одно, самое важное для меня. Я надеюсь, я так надеюсь с помощью этих знаний найти её, девушку, поющую песню земле. Я не знаю, зачем нас разлучили боги. Я не понимаю их. Я знаю лишь одно: у меня навсегда осталась только половина души, вторая – у неё. И то же самое с ней.

Где она, что с ней? Надеюсь, она тоже ищет меня.

9. Интересно

Учиться всегда интересно, если ты изучаешь именно то, что хочешь знать. И когда ты учишься у того, кто и в самом деле знает то, чему учит. В наше время это ведь не всегда так, верно? Тогда же преподаватели были мастерами своего дела, вершиной, незабываемыми авторитетами. Они были адептами и творцами преподаваемых наук. Они исследовали, постигали, делились знаниями и обучали.

Это учебное заведение было лучшим в то время. Попастъ в него было очень непросто. Учеников выбирали из множества желающих. Выбирали по способностям: если ты не способен учиться, то не возьмут. Выбирали особо одарённых: если нет подходящего потенциала – не возьмут. Выбирали по нравственным качествам. Никакие деньги, связи, заслуги не могли повлиять на выбор кандидатов в ученики. К слову, для знатных особ была другая школа, туда не брали простолюдинов, будь они хоть в сто раз способнее детей знати.

Меня взяли. Я ни на секунду не сомневался, что возьмут. Меня экзаменовал Шимун, жрец бога Ану. Он не стал разговаривать со мной, просто долго смотрел в глаза, потом кивнул. Это был знак писцу занести меня в список учеников. Взгляд этого жреца я запомнил хорошо. Уметь так смотреть – искусство, он просто видел то, что ему надо, и ничего более.

Весь экзамен длился минут пять, может, чуть больше. Я вышел. Проходя мимо других претендентов, почувствовал на спине презрительные взгляды: они решили, что Шимун меня прогнал. Мои бедные одежды странника, пыльные изношенные сандалии не вызывали ни у кого восторга. Люди не жаловали мою персону, а тут ещё такой повод проявить высокомерие. Мне даже плевали в спину. Мне было это не важно, я был счастлив, как всякий получивший то, чего долго и трудно добивался.

Я родился на самой окраине Ки-Ури в крестьянской семье. Я сам выбрал эту семью: кто меня будет искать среди бедняков? Хотя мне казалось тогда, что про меня уже забыли. Крестьянская жизнь меня не радовала, ну и не для неё я родился. В какой-то момент сбежал из дома, чтобы отправиться в Сиппар и обучаться в его главном храме.

Не помню, что со мной происходило по дороге, помню только усталость. Я сильно вымотался, пока добрался сюда. Жить без денег трудно во все времена, а тем более путешествовать. Но всё получилось, и пришёл я вовремя, меня взяли – что ещё? Всё, что нужно было для счастья, в тот момент у меня было.

Помню стены подвалов, помню светлые залы, помню тихие шаги по каменным полам и звуки, что разносились в пространстве, не теряя силы. Тихий шёпот в другом конце зала звучал так же ясно, будто это сказали тебе на ухо.

Мне никак не давалась астрология. Чисто технический

принцип был ясен, но всё остальное оставалось за гранью понимания. Понятно, что два физических тела взаимно влияют друг на друга, тут важны и масса, и расстояние, и излучение, и прочее. Но как это всё может влиять на действия человека? Как это просчитать? Я так и не понял.

Я не очень любил медицину, потому учился ей так себе. Впрочем, меня интересовали другие знания, и я жадно их впитывал. Жрецы умудрялись с помощью символов объяснить законы Вселенной. Это было невероятно – вот оно-то меня и интересовало больше всего.

Они использовали совсем другой подход для объяснения процессов формирования пространства, хода времени, цикличности событий и прочего. При помощи простых геометрических фигур они демонстрировали структуру материи, то, как она становится плотной, овеществлённой. Показать путь от мысли до твёрдого тела, используя простые символы, – невероятно!

Моим основным учителем стал жрец Шимун, тот, что принял меня в школу. Он внимательно относился ко мне, но при этом настороженно. Что он видел во мне, было загадкой, его немногословность и скрытность не позволяли это узнать. Учил он хорошо; видя моё старание, стремился дать больше.

У меня были странные чувства во время учёбы. Учить то, что ты знаешь, но совсем с другой стороны. Это как если бы программист вдруг начал осваивать компьютер через пользовательское восприятие. Или так: пользователь обнаружил

программу и начал её осваивать, а теперь обучает этому программиста. Притом у пользователя, изначально по определению не знающего ничего о программе как таковой, получилось не только её обнаружить, но ещё и понять. Немыслимо!

Мне очень нравились фигуры, с помощью которых жрецы влияли на пространство, создавали события или общались с богами. У них получалось нечто вроде портала, преломляющего пространство. При этом они не разрушали структуру, просто изменяли её, преследуя определённую цель. Они тщательно следили, чтобы их работа не ломала существующий порядок хода событий, не ломала ход времени и никому не вредила.

Жрецы хорошо понимали, что любое самовольное влияние на пространство влечёт последствия, которые мало кто может предсказать и тем более исправить. Естественный ход вещей требует познания, а не вмешательства в него. Люди своими сиюминутными желаниями постоянно ломают всё то лучшее, что для них может произойти, а после страдают из-за этого, считая жизнь дурной и несправедливой. Жрецы были намного мудрее и делали всё гармонично и красиво.

Я старался не проявлять своих способностей в области работы с пространством. На это было две причины. Не хотел, чтобы боги узнали о моём присутствии здесь – а моя работа обязательно обнаружит меня. И не хотел шокировать своих учителей. К чему делать то, что не смогут понять и пережить те, кто тебя учит. А тщеславие никогда не руководило мои-

ми поступками: возвышаться над другими мне претило.

Потому я делал всё, как и другие ученики. Получалось. Мне нравилось, было интересно. Только я не подозревал, что меня опять ждут старые неприятности. Уже знакомая мне драма вновь собиралась разыгаться по прежнему сценарию.

10. Неужели

Людям порой кажется, что быть умнее других – это хорошо. Должен заметить, глубину этого заблуждения, его крайнюю удалённость от истины хорошо знают те, кто действительно оказывался в таком положении. Ничего хорошего в этом нет.

Быть умнее других значит стать белой вороной. Белой вороне не прощают индивидуальность. Ей вообще ничего не прощают. Она чужая в стае, и на этом всё: точка, которую ставят в конце приговора. Неважно, кто ты, неважно ничего из того, что ты можешь и что сможешь: ты чужой, потому тебя подвергнут остракизму за любое твоё действие, слово, мысль или за то, чего ты вообще не делал.

В моём случае всё началось с того, что я из бедной семьи, – все были уверены, что меня не возьмут учиться ни при каких обстоятельствах. Но меня взяли. Как они узнали, что меня практически не экзаменовали, не знаю, но их это задело за живое очень сильно. А когда началась учёба, выяснилось, что я без особого труда усваиваю то, что требовало от моих одноклассников значительных усилий.

Магия камней... Догадываетесь, насколько легко мне понимать камни? В тот день изучали рубин. Настоящих, сильных камней нам, разумеется, никто не давал во избежание нежелательных последствий. Сифур, наш преподаватель, дал

рубин с трещиной, больной, измученный камень. Видимо, такой камень не жалко для экспериментов недоучек. Мы по очереди рассматривали рубин и рассказывали всё, что чувствуем, пытаясь сформулировать свои ощущения.

Дошла очередь до меня. Я взял камень в руки и, держа его двумя пальцами, поднёс к лучу света, что лился из окна. Соединил своё сознание и сознание рубина. Мы недолго общались, помог ему срастить трещину, уж очень сильно он на неё жаловался, восстановил структурную решётку. Он поделился со мной небесполезными знаниями. Здорово было! На какое-то время я потерялся, выпал из общего пространства. Когда закончил работу с камнем, положил его на ладонь: тот был уже замечательным, полноценным рубином с глубоким сочным цветом. Я был очень доволен, протянул камень, чтобы передать его дальше...

Они стоят передо мной полукругом. Напряжённое молчание, подчёркнутая тишина. Я удивлённо смотрю на них, в моём взгляде вопрос: мол, что не так? Сифур забирает у меня рубин, качает головой, я улавливаю восхищение, исходящее от него. Но внешне он суров и невозмутим, он всегда такой. Сифур долго и пристально смотрит на меня, объявляет урок оконченным. Мне же он велит остаться.

– Такую работу с камнем, – начал разговор Сифур, – может сделать не каждый жрец. Как это сделал ты?

– Я не знаю. – Что ещё я могу ответить, не рассказывать же всю мою историю. – Я просто смотрел на него. Мне пока-

залось, что мы общаемся. А потом получилось вот это. — Я показал пальцем на рубин.

Жрец смотрит на меня, долго, пристально. Очевидно, он понимает, что я не говорю правды. Но ему не проникнуть за завесу этой тайны. Он пожимает плечами и отпускает меня. Очевидно, расскажет об инциденте Шимуну.

После этого случая я постоянно слышал за спиной шёпот и насмешки. Они мало смущали. Я пришёл учиться, остальное неважно.

Плохо стало после одного занятия по астрологии. Я не был на нём, на тот момент я вообще перестал её изучать. Предметы осваивали по способностям и склонностям: скажем, некий прототип современных факультетов. Насколько я понимаю, было задание сложить звёздную карту рождения. Это обычная вещь для тех времён, по ней исследуются предыдущие воплощения, история происхождения души, её потенциальные возможности в этой жизни.

Делали такие карты на учеников, сделали и на меня. Только вот ничего не вышло. Карта ничего не показала, будто я появился из ниоткуда. При этом у души очень мощный потенциал, но нет никакой дороги в жизни. Другими словами, могущественное нечто из пустоты, идущее в пустоту — они так это восприняли.

Толком не знаю, страх ли смутил их головы или что-то ещё, но на меня начались гонения. Я мирное существо, никому зла не желал, ничего плохого не хотел. Но всякий раз,

когда кто-то проявлял ко мне агрессию, он дорого за это платил: кто-то сломанной ногой, кто-то потерей денег или другой болезненной неприятностью. Я не прикладывал к этому никаких усилий, я вообще не знал, как это происходит, – наоборот, очень хотелось, чтобы у всех, в том числе у меня, всё было хорошо.

Нетрудно представить, какие слухи и суждения обо мне пошли. От меня стали просто шарахаться или прятаться, стояло только моей фигуре мелькнуть в обозримом пространстве.

Всё закончилось тем, что меня вызвал к себе Шимун.

– Скажи, кто ты, – повёл он разговор, – но не убеждай меня, что ты этого не знаешь.

– Я не буду убеждать, я действительно не знаю этого точно, но скажу, что не демон.

– Это и мне понятно. В тебе нет зла. В тебе свет. Только не пойму, какой. У людей нет такого света, нет и у богов. Потому и спрашиваю: кто ты?

– Я не знаю, учитель.

– У тебя сознание настолько развито, что... Я не берусь сравнивать, я такого ещё не видел. С таким сознанием ты точно должен знать и помнить свою историю. Жрецы, что слабее тебя и менее развиты, помнят свою историю. Потому не верю, что не помнишь ты.

– Я не помню. И это больше, чем я сам могу понять. Словно история стёрта, есть только ныне существующий путь, как

равнина песка в пустыне.

– Да, твоя карта говорит о том же. – Шимун задумался. – Наверное, это и в самом деле так. Но ты ведь должен понимать, что ты не можешь теперь учиться.

– Я боялся этого, учитель. Но я хочу учиться! Я хочу найти путь и быть полезным себе и людям.

– Я не собирался тебя выгонять, – строго и с небольшим осуждением ответил Шимун, – просто ты не будешь учиться со всеми. Я буду учить тебя сам.

Кто бы знал, насколько сильным было моё облегчение. Не гора – Земля упала с моих плеч. Высказав обильные и сердечные благодарности, я, счастливый, покинул Шимуна.

Вечером я смотрел на небо и звёзды. Неужели теперь всё будет хорошо? О небо, я так хочу этого!

11. Одиночество

Разговариваю с Шимуном. Мы уже долго вместе, многое за спиной. Мы не друзья, это невозможно, но наши отношения настолько близки, что мы можем разговаривать откровенно, открывая друг другу то, что, казалось, навсегда останется тайной.

Шимун прозорлив и дальновиден. Он с самого начала собирался обучать меня отдельно, но специально оставил учиться со всеми, чтобы и я понял, почему нужно поступить именно так. Он объяснил, что я сам должен был захотеть учиться в одиночестве и сделать соответствующий выбор. Да, я увидел отчётливо, что среди прочих учеников мне нет места, но тогда я ещё не понимал, что и среди жрецов его тоже не будет. Будущие жрецы ведь учатся рядом со мной.

Я не понимал тогда, что при таком раскладе мне нет места среди людей вообще. Единственное сословие, к которому я жаждал принадлежать, меня, скажем так, отвергло, из другого я ушёл сам, а в остальные не то чтобы сложно попасть, просто они мне неинтересны. В любом случае, куда бы я ни шёл, слух опередит меня. И этот слух пустят сегодняшние мои однокашники. Они ведь увидят одно, а вокруг этого придумают ещё столько... Кто знает, что может сотворить незрелый ум.

Смотрю на него. Шимун редко смотрит на собеседника,

вот и сейчас глаза его где-то над моей головой. Мне нравится такой взгляд: избегая выражения глаз, жестов, позы и прочих телесных проявлений, можно увидеть гораздо больше, чем хочет показать человек. Часто бывает так, что выдуманная человеком маска становится фильтром, через который её носитель не столько показывает фальшивого себя, сколько видит мир согласно своим представлениям о нём. Шимуна масками не обманешь: он видит всё таким, какое оно есть. Шимун не смотрит на проявления, он видит суть.

– Могущество тождественно одиночеству, – говорит жрец. – Чем больше могущества, тем больше одиночества. Ты пока ещё не понимаешь этого. Ты вкусил одиночество, но не познал всей безмерности, которую оно принесёт. Ты сейчас слушаешь, но забудешь мои слова, они не важны тебе. Только потом, когда запредельные игры могущественного существа сожмут тебя в точку безысходности, ты вспомнишь сказанное мной.

Я слушаю его. В самом деле, тогда сказанное им не то чтобы пролетело мимо – я хорошо запомнил его слова, – просто не было почвы, на которой прижилась бы мудрость этих слов.

– Могущество зиждется на знании, – продолжает Шимун. – Это единственный из возможных путей для таких одиночек, как ты и я.

– Шимун, разве ты одиночка? Ты известный и уважаемый жрец. Тебя уважают, тебя почитают, тебе поклоняются.

Трудно найти человека, который не был бы счастлив, если ты обратишь на него внимание. Твоего слова ждут, как дождя в засуху. Если ты что-то купишь у торговца на базаре, к нему тут же выстроится очередь, они будут считать его товар благословлённым. Если ты зайдёшь в чей-то дом, там будет праздник три дня и хозяев его будут почитать и уважать, им будут кланяться. Ты великий человек, твоё имя высечено на стенах храмов. Ты достиг всего, чего может достичь человек. Я же лишён всего, кроме твоего внимания – так почему ты говоришь, что наше одиночество равное?

– Я говорю тебе, что ты ещё не познал одиночества. Ты только встал на этот путь. Я войду в дом, но что там будет, кроме почтения? Что приходит ко мне от людей, кроме лести и заискивания? Они боятся чаще, чем любят. Они судят чаще, чем думают. Они так же легко проклинают, как и славят.

Скажи, с кем я сяду рядом и стану говорить на равных? С кем могу обсудить смущающее душу мою? У кого я могу просить совета? От кого я получу простую заботу, тёплую и родную, которую помню только от матери? Протянет ли мне кто-то руку, которую протягивает друг в беде? У меня нет семьи, детей, дома – и нет ничего, что наполняет душу радостью. И ничего из этого для меня невозможно. И у тебя не будет. Только знание, могущество и одиночество. И не будет равных тебе. Ты одинок так же, как и я.

– Шимун, почему не будет равных мне?

– Я не знаю, кто ты. Я видел много всего, разных людей,

существ. Я видел даже богов. Но я не знаю никого подобного тебе. Ты не див: они не обладают разумом и сознание их более примитивно. Ты не демон: они злобны, как и любой глупец. Ты не маг, который прошёл большой путь сквозь время по множествам жизней. Мы бы с тобой не говорили тогда об одиночестве, ты сразу бы понял меня. Да и нет мага, обладающего таким сознанием, как у тебя. Бог не станет носить человеческое тело: оно не годится для него. Ты не похож и на изгнанника богов: я бы видел за твоей спиной путь из обители.

Твоё сознание подобно чистому кристаллу: для человеческого оно просто совершенно, для божественного оно слишком простое. Твой разум превосходит даже самый совершенный из людских. Твои знания – они бесценны, но кто им может внимать? Нет тебе равных. Ты одинок. И разве не за знаниями ты пришёл? Знания питают могущество, а оно тождественно одиночеству.

Ты потому рядом со мной, что обладаешь знаниями, которых нет у меня и нет ни у кого. И то же верно с обратной стороны: у меня есть знания, которых нет ни у кого – нет их и у тебя. Ты вырос, теперь не только я буду учить тебя, но и ты меня. Я хочу знать всё то, что есть у тебя. Звёзды не ошибаются: они свели нас вместе, ибо так нужно богам.

И мы стали учить друг друга. Получился замечательный тандем. Он учил меня работать со стихиями, набирать силу, обращать её в замысел, а после – в действие. Он показывал,

как действуют ритуалы, как они меняют физическую форму и ещё много чего подобного.

Я же показал, как работает пространство. Научил входить в него и действовать в нём. Шимун был хорошим учеником. Его интеллект позволял постигать очень сложные вещи, но всё же он был недостаточно хорош, чтобы работать с пространством полноценно.

Мы совместили ритуальную форму с пространственной структурой. Получались очень интересные вещи. Можно долго и нудно перечислять то, что было нами сделано, открыто, познано и сотворено. Важно было другое: за всё это время я ни разу не покинул стен храма.

Через годы, когда наша работа уже не столь сильно захватывала моё сознание, я понял: моё одиночество началось, я стал весьма могущественным существом. Уже не только Шимун учился у меня, но и другие жрецы. Потом он умер, а я занял его место.

Тогда и стали всё чаще вспоминаться его слова об одиночестве. И сколько раз, в других уже жизнях, буду я вспоминать их. И беспредельная тоска будет каждый раз терзать моё сердце.

12. Когда свободны только руки

Никогда не понимал, чем так привлекательна для людей власть. Чем выше поднимаешься в гору, тем сильнее ветер и холод. И чем выше ты забираешься, тем больше желающих скинуть тебя оттуда и занять твоё место. Удивляло: неужели те, кто рвётся к власти, не понимают, что завистливые взгляды оставшихся внизу не выражают восхищения – они рисуют мишень на твоей спине, и ты теперь просто помеха на их пути.

Есть люди, которые рождены властвовать, как есть гениальные или просто талантливые художники. Но рождённым управлять далеко не всегда удаётся добраться до своего места в жизни. Как и в других сферах, истинные таланты редко бывают на вершине. Слишком много среди людей есть тех, кто, ощущая свою никчёмность, стремится компенсировать ущербность властью и все свои силы бросает на её достижение. И ведь у них получается!

Я не люблю власть и никогда не стремился к ней. Дело это хлопотное, требующее огромного внимания и времени. Мне всегда хотелось использовать время как-то иначе: вместо распоряжений и решений просто сидеть и любоваться закатом, садом, морем, водопадом, восходом – всем, что так щедро дарит нам мир. В нём столько всего интересно, неизученного, не открытого... Вместо этого – интриги,

борьба и политика? Нет, не люблю я власть!

Но заниматься приходилось именно ею. Шимун оставил на меня весь сложный и нестандартный коллектив магов-жрецов. Люди могущественные, амбициозные, талантливые, а потому капризные и высокомерные. Каждый из них считал себя самым способным, самым достойным и самым недооценённым. «Синдром непризнанного гения» уже тогда калечил души, выворачивая наизнанку, ставя вверх ногами все смыслы и законы, помогая без труда преодолеть нравственные барьеры. Власть, известность, слава, деньги... Я иногда встречал людей, понявших, что нет ничего столь ценного, ради чего стоит убивать. Ничто из того, что построено на крови, не принесёт ожидаемого счастья.

Жрецы, находившиеся в моём подчинении, большею частью не отличались совершенным духом. У них было хорошо развито сознание, что позволяло видеть, понимать, знать гораздо больше обычного человека, занятого ремеслом или земледелием. Не то чтобы обычные люди были неспособны достичь высот, занятых жрецами, просто ежедневный тяжёлый труд и заикленность на бесконечных заботах не давали им такой возможности. Они даже не представляли себе, что способны делать всё то же, что и жрецы, стоит лишь немного поучиться.

Символом развитого духа всегда будет нравственность. Она же, в свою очередь, отличается добротой и бескорыстностью, что было совсем не свойственно моим подчинённым.

Их волновало больше собственное положение, всё остальное отходило на второй план. Это было мне странно, ведь они вышли за пределы обычного человеческого восприятия и должны были понимать истинную ценность жизни и своих деяний. Но нет: втянутые в бесконечные интриги, они словно забыли о том, для чего призваны и чем в самом деле должны заниматься.

Я для них по-прежнему был выскочкой. Да, они уже замечали мои знания и умения. Им пришлось понять и принять моё превосходство, которого они боялись и потому подчинялись. Но это только добавило моим подопечным ненависти, которая подстёгивала их на дальнейшие интриги. О, тогда я понял, почему в бытность мою полководцем, я, мягко говоря, не любил их племя.

Должен заметить, что несколько разумных жрецов в этом беспокойном коллективе нашлось. Они примкнули к моей персоне, таким образом была сформирована небольшая коалиция, способная противостоять возбуждённому ненавистью соперникам.

Обществом жрецам отводилась значимая роль – связь с богами. За ними были наука и медицина. Если войско можно смело считать телом народа, страны, то жрецы, по идее, должны быть её духом. Быть духом нации – высокая задача, требующая от исполнителей многого. Я стремился направить нашу работу именно в это русло. Я хотел, чтобы жрецы прежде всего были образцом нравственности. Я хорошо

знал, к чему приводят знания, лишённые нравственности. Эта ошибка дорого обошлась человечеству, как, впрочем, и богам.

Но для этих людей гибельность избранного пути была совсем неочевидной. Они настойчиво разрушали самое ценное, что может быть у общества, – духовность. Я прекрасно понимал, к чему приведут их интриги. Они дружны, пока объединены против меня. Но если вдруг получится так, что им удастся меня свергнуть, то тут же их дружбе придёт конец: они начнут бороться друг с другом, и так до бесконечности.

Но эта борьба совсем не то, что они должны делать. Их задача в другом: они должны быть духом народа, и если они на это не способны, им придётся уйти. Таким было моё решение, и жрецы, что примкнули ко мне, разделяли его. Они собственно потому и оказались рядом, что истинная задача была им ясна и близка. Они всем сердцем хотели того же, что и я.

И мы вступили в борьбу. На стороне жрецов были связи, влиятельные люди во власти, ведь очень многие из жрецов были выходцами из обеспеченной части общества. К тому же духовная власть была очень сильной социальной структурой. Внимания и расположения жрецов тоже искали, особенно люди, властвующие в других структурах. Жрец высокого ранга мог сильно повлиять на карьеру любого человека. Вот что меня и возмущало: вместо того, чтобы искать тех людей,

которые истинно могут развивать общество, они ставят своих выдвиженцев, чтобы укрепить собственные позиции во власти. Не спрашивая богов, а слушая только свои амбиции.

На нашей стороне был мой опыт полководца, умение работать с пространством, жрецы, умеющие слушать богов и воплощать их веления в жизнь. Силы, на мой взгляд, были равны. Но мои соратники считали иначе. Они были уверены в том, что мы ведём неравный бой, поскольку кто сможет победить столь влиятельные в обществе фигуры? Уж точно не мы – кучка выскочек. Другие жрецы считали наоборот: достаточно одного меня, чтобы не беспокоиться о неминуемой победе нашей коалиции.

Одно мы понимали единодушно: борьба приведёт к полному поражению одной из сторон. И последствия для Ки-Ури в результате нашего противостояния будут историческими. Они либо поднимут государство на новую вершину, либо низвергнут его. Да, деградация не бывает мгновенной: пройдёт, возможно, не одно столетие, но великое государство неминуемо погибнет.

В Междуречье развиваются другие государства. Более развитая цивилизация неизменно поглотит слабую. Как и наоборот – более слабые потянутся к сильному, объединятся вокруг него. И цивилизация не может быть незыблемой и долговечной, если фундамент её – военная сила. Только духовность, рождающая культуру и науки, медицину и музыку, может сделать нацию великой на все времена. А это невоз-

можно без богов, ибо только они знают, как развивать дух.

Мы вступили в борьбу. Как же не хотелось этого делать! Теперь всё время и помыслы заняты только этим. Как хочется делать что-то совсем другое! Я ведь и пришёл сюда вовсе не для того, чтобы сражаться, — я хотел просто жить и быть нужным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.